

18+

Виталий Белицкий

ОТРАЖЕНИЯ ОТТОРЖЕНИЙ

Виталий Белицкий

Отражения отторжений

«Издательские решения»

Белицкий В.

Отражения отторжений / В. Белицкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-591077-6

Этот, которого ты видишь в зеркале каждое утро, в каждом стекле автомобиля, в каждой луже — друг или враг? И кто из сотен твоих отражений настоящий? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-591077-6

© Белицкий В.
© Издательские решения

Содержание

Моя гранитная плита	6
Квадратный огонь	7
Настоящее	8
Парабиоз	9
Я так часто	10
И вечно готов	12
В моем раю	14
Травмы	17
Вечно	19
Я же	21
Статика	22
Пауза	24
Красивые слова	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Отражения отторжений

Виталий Белицкий

© Виталий Белицкий, 2022

ISBN 978-5-0059-1077-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моя гранитная плита

Моя гранитная плита
Озарится светом тоннеля,
По которому иду полжизни,
Еще половину – бегу.

Дисперсия света.
Шум и смерть.
Интерференция конца.
Я мифическое, космическое легкое,
И я скован. Парабиоз извечный.
Пространство протрации.
Я в больничной койке.
Я сбит.
Я сумасшедший.
В ремнях. Избит.

Тень самого себя,
Лишь. Тень.
Блуждаю в беспамятстве.
Я весь – без памяти.

Квадратный огонь

«Квадратный огонь полз по стене»
И искал рассветного пламени взгляд.
Трудно искать нечто,
Выходя за пределы окна.

И я делаю то же, и падаю
В запах вечной сирени весенней,
В фиолетовые кущи, там,
Где закаты – не лава.
Где рассветы – не мутные,
Пурпурные. А те, что первые —
Алые. Оранжевые.

Квадратный огонь полз по стене.
Прямо к потолку.
Прямой курс на вечность,
Минуя кроватный ворох одеял,
Меня минуя и
Тени в петлях.

Квадратный огонь полз по стене,
Спасая нас всех и
Дух противоречий.
Недвусмысленный,
Как вечер осенний и ветреный.
Не то хлыстом, не то огнем
Бьющий, враждебный. Отеческий?
Возможно.

Квадратный огонь полз по стене,
Быть может, первый,
Но я и не помню иных.
А, значит, последний.

Настоящее

Я пишу стихи свои
И упиваюсь.
Становится мальчику легче и только потом
Я напиваюсь. Я упиваюсь.

Минус эмоций – качество рифм.
Я достану до звезд, потрогаю солнце, но
Потом ставлю точку и
Все окончено – очередь из
Творений в стол.

Очередной поэт для одного стиха рожден,
Но помер и тот, и этот, и тот позапрошлый.
Писать дурак ведь каждый сможет.
Просто сложи два слова в два —
И вот, четверостишие.

Лучшие из нас застрелены, отравлены, повесились. Или повешены.
Живые же остались и лишь дрожат на смерть.

В стремлении стать лучше, они забывают,
Что не обязательно лучшим было подыхать,
Не обязательно лучшим нужно писать.

Но пишут же, и от тоски, от счастья.
Кто жестче, кто послаще. Приторно.
Ванильно.
Блевать охота.

Настоящее рождается только в крови и боли,
Только с криком и в муках.
От мыши до Человека.
От стихотворения до Поэта!

Парабиоз

Парабиоз межзвёздный в пространстве
Стар стал, истерт.
Мы сидим с ним на кухне
И глядим в упор:
Один на второго,
Второй на одного.

Вот и загадка,
Кто первый был из нас здесь
И сколько здесь вообще людей.
Кто что сотворил и натворил
За жизнь и
Кто последним все-таки
Уйдёт.

Я через мусор иду и
Стены сжимаются.
Нечем дышать.
Света немного бы.
Тогда я увижу в этом
Шуме и мусоре,
Что все же, по костям иду.
По скелетам в шкафу.

На подлодке стены эти,
А она все ко дну и ко дну.
А я никак не тону.
Ведь огонь не тонет.
Океан не сожрет.
Я либо нечто хорошее,
Либо пустое ничто.

Я так часто

Я так часто смотрел на синее небо,
Что потерял сырую землю из-под ног.

Я так часто задираю свой нос,
Что не чувствую ничего, кроме ветра.

Я так часто залипал на рассветы,
Что разучился ценить закаты и
Вовремя пытаться их застать.

Я так часто и много начинал,
Но ничего еще за четверть века
Не довел до конца.

Я заплываю, забегаю и взлетаю,
Но в середине пути
Я остаюсь в текстуре застрявшим.
Куда бежать, что делать теперь дальше.

Я так часто раздавал всем советы,
Но ни одного не сделал для себя,
Потому что нет хуже чего-то,
Чем чужие советы.

Я так часто называл себя
Для себя же чужим,
Что не мог бы принять и
Собой же выдуманный под рассветное огниво совет.

Я так часто, что рябит в глазах.
Я так много, что тошнит даже родных.
Все остальные как-то растворились
И научились исчезать.

Я так часто остался с собой и
В жизни для себя стал
Себе и другом, и братом, и отцом.
Шизофрения настигает постепенно.
Но я так часто это повторял,
Что впору уж ложится в Кашенко.

Я так часто пишу «я»,
Что даже не хочется и продолжать.
«Но ничего еще за четверть века
Не довел до конца...»

И вечно готов

И я готов вечно
Смотреть на эти деревья.
И вечно готов
Прыгать в пустоту.
Ласкать эти кроны
Вечные. Вешние.
Пока не забросит меня
В такую же вечную мглу.

И даже если
Ветер разорвет на мне одежду.
Даже если
Солнце выжжет землю, веру и надежду,
Я вновь обернусь
Господа дланью
Я вновь соберусь
Управлять погодой,
Искать истоптанные
Заросшие тропы странников.
Погибать от стрел
Вместо невинных загнанных ланей.

И я вечно готов
Смотреть в глаза этих крон.
И я вечно готов
Слышать их шелест. Слышать их зов.
Мне бы созерцания вечность
И покоя стакан,
А не терзаний с путь млечный
И пригорсть проблем.

Мне бы рисовать и писать,
Мне бы в небо. Навсегда.
Мне бы, мне бы.
Мне бы минуту с Бродским.
С Есениным час.
Мне бы водки стакан.
И я вечно готов.
И я вечно силен.
Сток. Робок. Наивен. Строг.
Я поле. Я же в нем стог.
Я здесь и там.
Я тот же самый стакан.

Мне бы куда-то.

Мне бы сюда же,
Но иначе.
Заново.
Побогаче.

Вечно работать.
Прожить, как и все.
Умереть. От болезни или невзгоды.
Превратности судьбы.
О череп кирпича.
Случайности.
Но никто, кроме меня.
Никто не я.
Не управится с этой погодой.
Никто, кроме меня
Не опишет три дерева в дождь лучше,
Чем тот, кто их создал.

Мне бы попроще, как говорят.
Без комплекса бога.
Но если и живут только так,
Живые и настоящие люди,
То предпочту крематорий.
Ведь умирают только боги.

В моем раю

Я памятник воздвиг себе нерукотворный...
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Я памятник воздвиг себе нерукотворный,
Лег под ним, как тень в зенитном солнце,
Как листья октября упал я
Под ним, прямо в яму.

Я памятник воздвиг себе нерукотворный,
И лег под ним,
Под хладный камень,
Морфея руки исцеловав,
Губы в кровь кусая,
Облизал его костяшки,
Его гноящиеся язвы.

Все потому что в моем раю нет зрячих,
Все ослеплены сияньем камня.
Все осуждены притяжением паперти.
Все встали вдруг, как из стали.
Как спянные, как спящие, как странные,
Как... растаяли.

В моем раю нет зрячих и
Не видят больше бога своего,
Что нежится под тенью камня,
Что больш не тронет моего
Сознания.

В моем раю нет зрячих,
Ведь я, став зодчим рая,
Исбелил все стены светом
Истинного знания – знания лжи, коварства
И его величества – незнания.

В моем раю нет зрячих,
Ведь они не знали тьмы и я,
Как серафим, оберегал их всех,
От черной правды ада.

В моем раю нет зрячих,
Ибо все, кто умер там – и так мертвы,
А мертвым ведь не нужен глаз.
А каждый, что из двух гноится в черепе,

Сияет светочем квазара,
Ведь как я сказал уже,
В моем раю нет зрячих,
Все белым бело и таким же
Померло от света выжженных рассказов.

В моем раю нет зрячих,
Никто не видел бога сотню лет.
Но по легенде, он то раб, то зодчий,
То тащит белый камень,
То строит новый белый замок,
То подметает пыль,
То узор наносит на ворота.

Он городской, что зажигает свет в тревогу,
Он смотритель райского маяка,
И тот, и второй, он все и всё,
И всё – едино.

Он ли я, я ли он?
Кто-то из нас точно разжег костры тревог и маяков,
Да так, что белый град стенами ослепил
И было слышно лишь капель от слез детей,
И было слышно лишь стенания,
Как город белых стен, не то Иерихон,
Не то земля обетованная,
Не то сам Рай – горел,
Сжигал, слепил всех давно ушедших на покой,
В моем раю нет больше зрячих.

Я ли, бог ли, ослепил их своим огнем,
Своим белым камнем,
Своим памятником, под который слег спустя века,
Спустя метания по пеплу,
Спустя века,
Спустя себя,
Спустя бумагу, из которой слеплен был
Мой рай.
А факелом тем стало перо,
Некогда бывшее копьем.

Я тяну руку вверх и протыкаю Его печень.
Солнце жжется мне в доспех и над моей Империей
Воцарилась ныне божья смерть.
И тут я вновь, теперь же на кресте повис и некто,
Кому печет солнце в шлеп, пробивает меня,
Не то пером, не то копьем.
Кто-то убивает Его, и его сына,
Не то пером, не то копьем.

Кто-то выжигает Его дом,
Не то с бумаги слеппен, стихов и книг,
Не то из камня из низовьев Нила,
И огнем Александрийских маяков,
Древнейших из светил.
Кто-то строит памятник нерукотворный и называет себя Им,
Хоронится как будто бы от всех,
Кем он сам же был.
Кого и сам же он и погубил,
Кто трупом в раю лежал и слеп, и гнил.

Я памятник воздвиг себе нерукотворный,
Лег под ним, как тень в зенитном солнце,
Как листья октября упал я
Под ним, прямо в яму.

Я памятник воздвиг себе нерукотворный,
И лег под ним,
Под хладный камень,
Морфея руки исцеловав,
Губы в кровь кусая,
Облизал его костяшки,
Его гноящиеся язвы.

В моем раю нет зрячих больше,
В моем раю нет никого,
В моем раю табличка в пепле вся,
«С любовью» прямиком из Ада.
В моем раю нет зрячих
Всех ослепил хозяин этого места,
Кто построил и его и памятник.
А из мест пониже рая выпали последние очки, пенсне и линзы.
Стремительно в Аду острится взор на вещи те,
Что слепил Рая блеск всю жизнь, что мою, что твою.

В моем раю нет зрячих,
А я, всех ослепив,
Построил памятник себе нерукотворный,
О его углы выдрал все свои глаза,
И наспех, вырыв яму, оставив ногти в дёрне,
Упал, устав, и обнял тень и начал я,
Лизать и целовать Морфея гниль и язвы, ведь я
Уж здесь, и бог и черт, из рая, с любовью, в ад.

Травмы

Расчихался. Солнце слепит глаз.
Луч скользит к сигарете в руке.
Ищет пламя, ищет, ищет. Тлей.
Расчихался. Солнце.
Что-то больно в трахее.

Солнце. Боль и травмы.
Солнце. Светит ярко в раны.
Мы больны. Мы изранены.
Травмы.
Расчихался. Тлей.

Боль от папы.
Боль от мамы.
Солнце, будь здоров.
Будь бодр, свеж, хорош.

Хорош. Остановись.
Ты младше, ты не прав.
Ты старше, ты устал.
Сухие кости скрипят,
Веки шепчут, прожигают поле слез.

Расчихался что-то, солнце слепит нас.
Мороз и солнце, день чудесный,
Век избит, потерян.
Травмы.

Боль от папы.
Боль от мамы и
Ни слова «прости».
Ни дня без вины.
Ни часа без мысли:
Ты одна, я один.
Мы вдвоем, и мы одни.
Ты и я – травмы.

Травят. Вода живая
Привкус яда.
Улыбка честная – оскал.
Чувство искреннее – ложь.
Поступки яркие – обманы.
Видеть плохое и подозревать.
На солнце в полдень взять и за секунду истлеть.
Травмы.

И вкус сигарет.
Травмы.
И никого, кроме нас нет.

Вечно

Вечно молодой,
Вечно в надежде,
Ожидании чуда.
Вечно голодный.
Вечно потерян в одеждах времени.
Вечно квадратами.

Ласкать и карябать.
Гнить и жить.
И бить, и любить.
Прослыть
Эстетом? Гением?
Своим же чтобы удушиться гневом. Ненавистью. Творением.

Бежать, как марафонец
По странгуляционной тропе,
Чтобы сдохнуть в конце,
На финишной, как и все.

Не безвкусно, а эклектика.
Не марать листы, а быть поэтом.
Не с грустной вечно рожей, а мыслить о вечном.

Начал читать, научился писать,
Но остался всё тем же —
Общественным туалетом.
С пылом и жаром кричащим,
Что он не кучей дерьма стал,
А стал Человеком.
С претензией оставить не дырку в земле,
А что-то божественно вечное.

Гнилая беззубая ползает тварь.
Что-то доказывает и смеется.
Это ваш Человек.
Без амбиций, одежды, повадок и навыков.
В чистоте рождения – беспомощное
Двуногое. Кожаное.
Подставка для интеллекта.

И ты, и я – мы все такие —
Опавшие листья октября.
Немного зелены – и сразу в грязь.

И я, и ты – мы все такие.
Я свою жизнь единственно первую

Проживаю УЖЕ в последний раз.

Но вечно не такой, вечно голодный,
Вечно безнадежен, беден, бездарен, глуп, туп, нем, глух, стар, слеп, немощен, жаден, зол,
ненавистен, отвратителен, противен,
Мало, не идеально, плохо, Недостаточно хорош, неудобен.
Полумера получеловека.

Вечно такой, как и все,
Но вечно не такой, как надо.
Вечно вечен... вечность – это
Восемь букв и только.
Восемь жизней за секунду.
Еще восемь планет на восемь миров.
А тут восемь уж миллиардов уже
Таких вечно не таких.

Я же

Меня тревожит суть.
Меня будит ночь.
Я вижу не то смерть, не то ее дочь.
Впали щеки,
Погускнел взгляд.
Серость и бледность,
Но в том и была красота,
В том и осталась.

Кто для меня кровь?
Что для меня конец?
Я есть начало всего или
Всего лишь, его увядший венец.

Человек я без рода,
Есть ли еще такой?
Какова его порода
И чьих он будет новой весной?

Я не плачу о том, что нет крова,
Что между ушами лишь ветер
С запахом стен и дверей дома.
Но терзаюсь, сохранил ли его я внутри?

Там как-то неловко.
Как-то не так.
Не так, как я не думал об этом.
А подумал и стало тягостно тянуть.
Не бесчестный ли я подонок,
Изжевавший, бросивший свой трап на спасение
В болото своего же
Угнетения...

Только вопросы шепчут в кустах сирени,
О том, хороший ли я человек и прочем.
Достойным ли стану отцом.
Я же без храма внутри церковь строить собрался.
Я же без отца на небе
Своего послал подальше.
Я же в поисках смерти всегда был
Остался один целовать ей колени.
Я же всего лишь я же.

Статика

Муравейник. Бетонное начало.
Миллионы коробок
Для миллиардов людей.
Кричи, пока тебя не замолчали.

Здесь выхода нет.
Здесь рассветы черного цвета.
Я как Прометей для них.
Я молния Зевса.

Ничего не стоили.
Ничего не построили.
Расплакавшись, ушли.
Обиделись, расстроились.

И как по весне мы плачем,
Как в надежде тонем каждый раз,
Стоит лишь кусту сирени
Запахнуть вечностью
И в покорном склонить ветви смирения.

Статика в движении.
Захват реальности.
Всеотец, лицезри меня.
Я всего лишь бог для них.

Господь муравейника.
Раздавлен временем.
Ботинком. Бременем.
По муравьиному темени.

Лишь пятно напомнит
Вам когда-то обо мне.
И если лишь найдётся
Один внимательный.

Ничего не стоил.
Просто стою.
Курю, на остановке жизни,
Ожидая смысла трамвай.

Сакрального нет.
Иллюзия автора.
Мы все тут писатели.
Нового Завета создатели.

И у каждого библя своя,
Ведь тут каждый себе бог.
Если мог бы стать им для себя
Никогда не писал бы.

Статика. В движении.
Посмотри на реальности край.
Загляни в бездну через нее.
И ты увидишь себя,
Стоящего, курящего,
Черного, злого, ужасного.
Безликого. И «Он» или скорее «Оно»
Взглянет на тебя.

Пауза

Время остановилось
И вкус его крепчает.
Губы цвета соленого.
Жаркое солнце.

И надежды нет,
Что кончится что-то
До нашей смерти.

Время стоит.
Тянется, патока, течет.
Беззвучно.

Голодный ублюдок сгорает
Когда-то, где меня нет.
Где-то, куда никто не попадет.
В сине-зелёном огне.

Время, остановка.
Соль на губах
Цвета огня.
Скажите, где выйти.
Это все не про меня.

25-й кадр
26-й человек.
Читать и видеть смысл.
Ждать на кольцевой
Еще один маршрут.
Остановка.

И в морозное утро
Жарким летним днем,
Ждать вечернего смеха
Снежных хлопьев.
Шепота звезд ночных.

Каждый новый шаг все крутит
И крутит асфальт под
Ногами.
Каждый новый прыжок
Подрывает веру в полет.
Каждый новый вдох
Теряет надежду на выход
Из череды одних и тех же дорог.

Дать себе же шанс
На упокой и
Веру в нужный час
На успокоение.

И в покорении я болен
И в здравии был болен
Взглядом в зеркала окон
И стекол.

Стек. Как день с часов.
Загорелся. Как уголь в костре.
Истлел. Как ветер в доме скорбных снов.
Замерз и встал, как дождь в небе,
Как снег в толпе.

И растаяв, остался солью
На щеках.
Тенью, прошедшего взгляда.
Сумрачным призраком коридоров небытия.
И из иного, перешедшего в меня.
Стал иным, перешедшим в другое.
Перешагнув через себя.

Озерная гладь молчит,
Застыв зеркалом памяти.
Ковер травы кричит,
Тянется к ногам и просит
Раздавить его еще раз.

Вмять в земную постель.
Разворошить пожухлые листья
Пальцами огня.
Криком просит вырваться
Нерожденное еще меня.

Сирень цветет, как пули блеск сияя.
Окутала лицо и тянет.
Тянет в пучину и сплетения
Листвы, цветков, корней.
Одухотворив себя весной,
Заткнись и пой, как жил.

Живи и пей, как пил и пел.
Горестное горе быть.
Горе сладкое им стать.
И гадкое во мне кричит.
И рвет растаявшие части.

Пиит.

На струнах лиры был повешен тот,
Кто сжалился и поджигал, и становился на помост

Тот, чьей солью на губах костер
Окрасился, растрескавшись кристаллом.
Огонь, сине-зеленый,
Сожри меня, застынь и разбейся
О время.
И вкус приторный его
Крепнет и крепчает.
Стало душно.
Невыносимо жарко снаружи тем,
Кому вынужденно холодно
Внутри.

Красивые слова

Красивые слова.

К чему они – красивые слова?

Это ведь всего лишь звуки.

Я помню себя в пять лет – сижу на кухне.

Холодно, зима. За окном лишь темнота и выюга.

Родители в ссоре.

Отец, где ты?

Оставляя за собой лишь тень и свет в гостиной,

Скажи просто, зачем?

Помню себя в девять.

Счастливое, беззаботное детство.

У кого-то за окном другим.

А за моим один десерт на двоих.

Игрушки сломаны, переклеены сто раз.

Собака, колодец, дом, холод и страх.

Помню, мне было одиннадцать.

Хлеб стоил столько же.

А ты пойдешь, собери на него по копейке.

Шкафы, столы, плинтусы и пыльные полки —

Скрип стульев, топот ног, хлопок дверей.

Мам, я купил. Мам, я молодец.

Помню, было двенадцать.

Чуть не сломали нос.

Просто, потому что ты новый,

Просто, потому что ты не такой.

Ты чужой, ты как белая ворона, ты просто один.

Новый город, новая жизнь.

А люди все те же,

Те же проблемы,

Те же в счастье пробелы.

Помню, как сидел и дождь стеной.

Помню, как травили, как гнались.

Как за школой ловили,

Пинали толпой.

Мне двенадцать, напомним,

А я уже устал быть собой.

Дождь стеной, а я все резал и резал,

Все глубже и глубже.

Было больно, но не так,

Как быть просто самим собой.

А теперь хожу с этой полоской,

Как напоминание – тебя не полюбит никто,

потому что ты – не они все.

Закрываю глаза. И дождь стеной.

Помню, мне лет пятнадцать.

Я поднялся с колен, я стал первым из всех,
Кто ставил меня на место,
Кто не считал меня своим.
Я просто начал говорить на их языке.
Жестокой силы.
А по вечерам читал, писал, искал.
И все помнил копейки и как резал и резал.
Икар.
И вот я стою на сцене,
Срывая ногти в кровь,
Играю музыку свою для тех,
Кто никогда ее и слышать не хотел.
А закулисы, овации, хлопки.
Где были все они, когда за мной гнались.
Когда топтали ребра за школой.
Помню, как открыл для себя то, ради чего стоило бы пожить еще.
Страсти и крики,
Как на меня смотрели одноклассники,
Как меня хотели и желали.
Первый раз за жизнь хоть кто-то,
Да и пусть. Наркоманы и шалавы.
Зато хоть кто-то.
Помню первые ножи в спине и предательства.
Смешки и издевательства.
И я в одной коробке с детьми элиты.
Почему я стал таким?
Я не хотел стать такими, как вы.
Помню сизый, зеленоватый дым в подъездах.
Помню их глаза – да как ты мог.
Действительно, да как я мог.
Позорище. А перед кем мне отчитаться?
Мне никто не есть авторитет.
Я воспитан сам собой.
И все тут.
Не поступаю шагами втоптаннами
Протоптанной дорогой лицемеров.
Странные понятия мне чужды.
Да и я им не особо нужен.
Помню свой последний танец – долг отдал.
И выпускной свой. Ленты и шары.
Красивые слова. И никто меня не видел.
А кто пришел – стоило ли того?
Помню, выхожу из поезда, холодно.
Ночь морозная, хоть и лето.
Новый город, а я снова один.
И в поисках еды, жилья, я так часто
В исступлении напивался,
Просто выход искал.
А выход там же, где и вход.

Я снова выбрался, познал суровые и строгие
Науки высокие. А толку?
Все тот же притон, все те же лицемеры.
Я встречал все добрые вести на коротких перекурах,
Весь измотанный, чтобы можно было жить.
И снова я познал все то,
Зачем поэту ходить под Луной.
Все то, ради чего он творит.
Ради жизни и любви.
Надолго ли?
Били вы ли раз хоть стену?
Оставляли там печати крови?
Я был чувству верным.
А чувство меня швырнуло в окно.
И боясь в него выйти,
Я желал, чтобы на меня оно упало само.
Да, я снова выжил.
Помню все.
Головные боли, морозные дороги к больницам.
Холодные руки врачей,
Сирены скорых.
Помню, как сидел в участках,
Помню, как напивался в ноль,
Как уходил в Нирваны покой.
Я так часто ходил по краю,
Что где реальности грани – не знаю.

И вот мне уже за двадцать,
А будто все пятьдесят.
Я сижу на кухне,
Снова копаюсь в проблемах.
Я добивался вершин,
С них падал, катился, разбивая локти.
Но снова вставал и пытался лететь,
Зная, что я не смогу умереть.
Мое вечное – в двухсот стихах.

Я помню все,
И все красивые слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.